

Сергей Карп

**ПУТЕШЕСТВИЕ ГРАФОВ Н.П. и С.П. РУМЯНЦЕВЫХ
и Ф.М. ГРИММА ПО ИТАЛИИ (1775–1776):
ОТ РИМА – СИМВОЛА УПАДКА К РИМУ –
ЦЕНТРУ НОВОГО МИРА**

ПРЕДЫСТОРИЯ

Осенью 1773 года Фридрих Мельхиор Гримм – составитель знаменитой *Correspondance littéraire* – прибыл в Петербург в свите Людвига, наследного принца Гессен-Дармштадского, спешившего на свадьбу своей сестры Вильгельмины (Натали Алексеевны) с великим князем Павлом Петровичем. Гримм сопровождал его в качестве наставника (*mentor*), и в глазах матери принца – ландграфини Каролины – и самой Екатерины II пользовался репутацией не только талантливого журналиста и критика, интересного и остроумного собеседника, человека светского и полезного, но и признанного эксперта во всех вопросах, связанных с образованием и воспитанием молодых людей из благородных семейств. Именно тогда Гримм был представлен графине Екатерине Михайловне Румянцевой, супруге генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева и одной из первых придворных дам, а также познакомился с двумя ее сыновьями – средним (19-летним) Николаем Петровичем и младшим (18-летним) Сергеем Петровичем; их старший брат Михаил находился в это время в армии, сражавшейся с турками (в июле 1774 он будет произведен в генерал-майоры).

Молодых графов Румянцевых ждала блестящая карьера. Николай Петрович (1754–1826) станет канцлером империи, председателем Государственного совета, меценатом, коллекционером, основателем Румянцевского музея в Петербурге; Сергей Петрович (1755–1738) станет дипломатом,

министром уделов, сенатором, членом Государственного совета, инициатором указа о «вольных хлебопашцах» (1803). Но в описываемое нами время они были еще людьми молодыми, и прежде чем сделать первые шаги по служебной лестнице им следовало завершить свое образование за границей: их мать попросила Гримма на обратном пути из России проводить их в Лейден, где им предстояло прослушать годичный курс в университете, а затем отправиться с ними в Италию. Их путешествие до сих пор оставалось вне поля зрения исследователей, и я попробую хотя бы отчасти восполнить это пробел.

МАРШРУТ

27 сентября 1775 года братья Румянцевы выехали из Лейдена и отправились в Париж к Гримму, который находился там уже в качестве полномочного министра герцога Саксен-Готского. В сентябре 1775 года Гримм пишет С.П. Румянцеву: «Quant à notre route, vous pourriez dire que nous entrons dans l'Italie par Geneve, Chamberry et le Mont Cenis, que nous irons à Turin, de là à Genes, puis par Parme Boulogne à Florence, de là par Livourne Pise Luques à Rome. De là à Naples, puis revenir à Rome et par Loretto &c à Venise. Nous placerons Milan où nous pourrions de la maniere la plus avantageuse»¹.

Письма братьев Румянцевых княгине Амалии Голицыной (супруге князя Д.А. Голицына, российского посланника в Гааге, друга Дидро), к Гримму, переписка самого Гримма, в том числе с Екатериной II, донесения русских дипломатов, а также материалы периодической печати позволяют нам восстановить реальный маршрут путешествия, оказавшийся достаточно близким к первоначально намеченному: Женева (2 ноября)², Турин

¹ «Что касается нашего маршрута, вы можете сказать, что мы въедем в Италию через Женеву, Шамбери и Мон-Сени, что мы отправимся в Турин, оттуда – в Геную, затем через Парму и Болонью во Флоренцию, оттуда через Ливорно, Пизу, Лукку в Рим. Затем мы побываем в Неаполе, вернемся в Рим и через Лорето и др. города поедem в Венецию. Милан мы посетим тогда, когда нам это будет всего удобнее» (ОР РГБ. Ф. 255. Картон 7. № 39. Л. 21об. Автограф).

² См. письмо Н.П. Румянцева А. Голицыной от 2 ноября 1775 года // Münster. Westfalen Universitäts- und Landesbibliothek (далее – ULB Münster). Nachlass Gallitzin. Kps. 36. № 37. Письма братьев Румянцевых А. Голицыной были частично опубликованы в немецком переводе: Briefwechsel und Tagebücher der Fürstin Amalie von Galitzin. Enthaltend bisher ungedruckte Briefe der Fürstin, ihrer Kinder, Fürstenberg's, Stollberg's, Overberg's, der Grafen Romanzoff u. A. / Hrsg. von Ch. Schlüter. Münster, 1874. S. 155–230. В данном случае фрагменты из них приводятся (с сохранением авторской орфографии) по оригиналам, сохранившимся в Библиотеке Мюнстерского университета. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Кристофа Франка, предоставившего в мое распоряжение ксерокопии этих документов. Судя по этим копиям, листы писем не имеют систематической пагинации. Шифры хранения выверены по «Kalliope» (<http://www.kalliope-portal.de>) – общегерманской базе данных об автографах, хранящихся в немецких фондах.

(17 ноября)¹, Милан (12–13 декабря)², Флоренция, Ливорно, Рим (январь)³, Неаполь (30 января, 10 февраля)⁴, Рим (21 февраля, 24 марта, 11, 18, 19 и 23 апреля)⁵, Болонья (2, 5 и 6 мая)⁶, Венеция (15–22 мая)⁷, Милан (10 июня)⁸.

РИМ: РЕЛИГИЯ И ИСКУССТВО

Мы знаем не так уж много о том, какое впечатление произвели итальянские города на братьев Румянцевых. Дошедшие до нас немногочисленные свидетельства отличаются удивительным, на первый взгляд, лаконизмом и скепсисом. Так, 17 ноября 1775 года Сергей Румянцев пишет Амалии

¹ См. письмо Н.П. Румянцева А. Голицыной от 17 ноября 1775 г. // ULB Münster. Nachlass Gallitzin. Kps. 36. № 38.

² См. письмо Екатерины II Гримму от 20 января/10 февраля 1776 года, в котором она упоминает о полученном ею письме Гримма из Милана от 13 декабря 1775 года. (Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) / Изд. Я.К. Грота // Сборник РИО. СПб., 1878. Т. XXIII. С. 42).

³ Гримм упоминает о посещении Флоренции и Ливорно в своем недатированном письме Екатерине II, вероятно отправленном из Рима в январе 1776 года (РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. № 10 (3). Л. 333). См. также цит. далее письмо кардинала де Берниса И.И. Шувалову от 17 января 1776 года.

⁴ См. письма аббата Галиани мадам д'Эпине от 20 января и 17 февраля 1776 года, написанные по приезду Гримма с Румянцевыми в Неаполь и по их отъезде из Неаполя в Рим (*Galiani F., D'Epina L. Correspondance / Éd.G. Dulac et D. Maggetti. T. V (juin 1775 – juillet 1782). Paris, 1997. P. 65–66.*)

⁵ См. письма Гримма маркизе де Ла Ферте-Эмбо от 21 февраля 1776 года (*Correspondance privée de Frédéric-Melchior Grimm, 1723–1807 / Présentée et annotée par J. Schlobach et V. Otto, avec la coll. de J. de Booy, S. Eichhorn-Jung, S. Karp, A. Stroev, E. Wahl, N. Weber. Genève, 2009. P. 380–382*), аббату Галиани от 19 апреля 1776 года (*Correspondance inédite de Frédéric Melchior Grimm / Recueillie et annotée par J. Schlobach. München, 1972. P. 198–199*), цитируемое далее письмо С.П. Румянцева А. Голицыной от 24 марта 1776 года. См. также *Diario ordinario* № 136 от 20 апреля и № 138 от 27 апреля 1776 года, где упоминается участие Гримма и братьев Румянцевых в заседании «Аркадии» 11 и 18 апреля (см. далее). В письме Гримму от 1/12 сентября 1776 года Екатерина II подтверждает получение его письма из Рима от 23 апреля (Сборник РИО. Т. XXIII. С. 58).

⁶ Екатерина II в письме Гримму от 28 августа/8 сентября 1776 года упоминает о получении от него письма из Болоньи от 2 мая 1776 года (Сборник РИО. Т. XXIII. С. 55). См. также письмо Гримма А. Голицыной от 5 мая 1776 года (*Correspondance privée de Frédéric-Melchior Grimm, 1723–1807. P. 382–383*) и цитируемое далее письмо С.П. Румянцева А. Голицыной из Болоньи от 6 мая 1776 года.

⁷ Даты их пребывания в Венеции установлены по депешам поверенного в делах России в этом городе маркиза Пано Маруцци от 4/15 и 11/22 мая 1776 года вице-канцлеру графу И.А. Остерману (АВПРИ. Ф. 41. Оп. 3. № 70. Л. 80б.; № 71. Л. 28).

⁸ См. письма Гримма Франсуа Троншену от 10 июня 1776 года и королю Польши Станиславу Августу Понятовскому от 15 июня 1776 года (*Correspondance privée de Frédéric-Melchior Grimm, 1723–1807. P. 118–119, 296–298*).

Голицыной: «Совсем скоро мы покинем Турин, и я думаю, что сделаем это без малейшего сожаления». Николай Румянцев в письме Голицыной от 12 декабря 1775 года подтверждает, что Милан пользуется заслуженной репутацией города с хорошим обществом, умеющим оказывать достойный прием иностранным путешественникам, но тут же сообщает, что их пребывание в этом городе пришлось на время поста, в результате которого большая часть развлечений оказалась им недоступной, и им пришлось довольствоваться посещением ассамблей, слишком многочисленных, а потому утомительных. Мы находим объяснение этой сдержанности в его письме той же княгине Голицыной, написанном в Риме 24 марта 1776 года: «Je vous avoue Madame que le voyage d'Italie si fameux par ses agrements, m'est à moi une peine et un travail aussi difficile que le serait la manoeuvre la plus fatigante; je dis plus: la curiosité folle de tout voir, et l'impossibilité d'y donner le tems nécessaire rendent absolument imbecile, et font que les objets se placent dans l'entendement, comme les figures du Perugin le sont dans ses tableaux, l'une à coté de l'autre; sans ordre, sans liaison, sans rapport. Ici de toutes les facultés[,] la reflexion seule est inactive, c'est à dire précisément celle par laquelle toutes les autres valent quelque chose»¹.

Исключением из этого правила стал лишь Рим. Наши путешественники провели в нем более двух месяцев. За это время они все же успели поразмыслить об увиденном, а их письма Амалии Голицыной запечатлели эти размышления. Так, Сергей Румянцев в письме из Рима от 24 марта 1776 года восклицает: «Что сказать вам, сударыня, о Столице Мира, родине Катонов и Эмилиев!» Отвечая на этот риторический вопрос, он предпочитает не следовать распространенному мнению об упадке Рима. Напротив, по его мнению, Rome moderne mérite <...> un meilleur traitement, et l'Eglise de Saint-Pierre, seule me ferait oublier les torts des Papes et de leur doctrine comme l'établissement auguste des Invalides me faisait oublier à Paris toutes les fautes de Louis quatorze. <...> On n'imaginera sans doute rien de plus élevé dans ce genre parce que le genie le plus hardi découragé par la vuë de cet edifice y verra s'aneantir toute la grandeur de ses idées»².

¹ «Признаюсь, сударыня, что путешествие по Италии, столь славящееся своими удовольствиями, представляется мне бременем и работой не менее изнурительной, чем самый тяжкий физический труд. Скажу больше: безумное стремление все увидеть и невозможность потратить на это необходимое время приводят к полному отуплению, увиденные предметы теснятся в голове подобно персонажам на картинах Перуджино: один подле другого, без порядка, без связи, без смысла. Из всех человеческих способностей здесь бездействует именно способность к размышлению, а без нее все остальные мало что значат» // ULB Münster. Nachlass Gallitzin. Kps. 36. № 35.

² «Современный Рим заслуживает <...> лучшего к себе отношения, и при виде храма Святого Петра я забываю обо всех пороках пап и их доктрины, как в Париже при виде величественного Дома Инвалидов я забывал обо всех грехах Людовика XIV. <...> Наверное нельзя себе представить ничего более возвышенного в этом роде, ибо даже самый дерзкий гений, увидев эту постройку, будет обескуражен, осознав всю никчемность своих самых смелых замыслов» // Ibid.

Николай Румянцев разделяет мнение брата в письме, написанном уже в Болонье 6 мая 1776 года: «Je vous dirai Madame, qu'il m'en a beaucoup coûté de quitter Rome, et que j'eus preferer d'y rester au lieu de nous hater d'etre a Venise à l'assenssion. Un spectacle quelque beau qu'il soit peut-il dedomager de la perte qu'on fait en quittant une ville où tout vous rappelle des Evenements et des hommes celebres, et où vous estes continuellement dans l'adoration de quelque chef d'oeuvre? On se croit être d'une meilleure espece quand on est à Rome, parce que l'on y voit des ouvrages sublimes créés par la main des hommes, et quand on considere l'Eglise de St Pierre on se dit avec satisfaction que tout n'est pas perdu et que les modernes valent quelque chose aussi <...>»¹.

Так, в размышлениях Сергея Румянцева о Риме появляются аллюзии на знаменитый спор древних и новых, вспыхнувший во Французской академии конца XVII века вокруг сравнительных достоинств литературы и искусства античности и современности и возобновившийся в Европе второй половины XVIII века под влиянием Винкельмана.

Николай Румянцев продолжает: «...malgré la reputation de la noce aldobrandine et les tableaux de l'Herculaneum je ne crois pas que les peintres anciens ayent valu Raphael, le Carache ou le Dominiquain, mais en revanche nos sculpteurs sont font inferieurs aux leurs. Cette preeminence des uns dans la Peinture et des autres dans la sculpture ne vient-elle-pas de la difference du Culte Religieux? Les anciens representoient leurs Divinités par des statues, les modernes ont coutume de représenter les leur[s] dans des tableaux. Ce sont les Preters qui ont occupés Raphael, le Guide, le Dominiquain, C'est la nessesité d'avoir des images qui a fait fleurir leur art, C'est la nessesité d'avoir les statues des Dieux qu'ils adoroient qui apparament a fait fleurir la sculpture chez les anciens; Ce qu'il y a de certain c'est que leur religion pretoit au statuaire des sujets plus favorables que la nôtre, quand il etoit question de représenter Mars, Apollon, ou Meleagre, c'étoit des êtres d'une Nature belle, robuste et noble qu'il falloit imiter, au lieu qu'aujourd'hui le sculpteur chargé de faire en marbre un St Bruno, un St Philipe de Neri, ou quelqu'autre fondateur d'un ordre religieux est obligé de prendre pour modele un être decharné, humble, et qui aye quelque chose d'un malade dans la phisionomie. De tels sujets sont peu faits pour la sculpture et s'ils occupent quelque fois de jeunes artistes, ils s'opposent certainement à la perfection de leur art»².

¹ «Скажу вам, сударыня, что тяжело мне было покинуть Рим и что я предпочел бы там остаться вместо того, чтобы спешить на праздник Вознесения в Венецию. Сколь бы прекрасным ни было это зрелище, оно вряд ли вознаградит нас за расставание с городом, где все напоминает о знаменитых деяниях и людях и где вы пребываете в состоянии непрерывного восхищения каким-либо шедевром. Находясь в Риме, сам себе кажешься лучше, поскольку видишь великолепные произведения, созданные рукой человека, а глядя на храм Святого Петра, говоришь себе с удовлетворением, что не все еще потеряно и что современные творцы тоже чего-то стоят» // ULB Münster. Nachlass Gallitzin Kps. 36. № 39.

² «При всем уважении к Альдобрандинской свадьбе и росписям из Геркуланума, не думаю, чтобы древние живописцы могли сравниться с Рафаэлем, Карраччи или Доменикино; зато наши скульпторы намного уступают древним. Не связано ли это превосходство одних в живописи,

Итак, в этом тексте религия рассматривается в качестве главной причины расцвета и упадка искусств у «древних» и «новых»; с другой стороны, язычество и христианство в заданных рамках уподобляются друг другу и рассматриваются только с точки зрения их воздействия на искусство. Исходная мысль об упадке Рима обогащается размышлениями о роли религии в развитии искусства, подводя к образу Рима – центра мира, объединенного неоклассической культурой. Мы можем приписать развитие подобных идей опыту чтения братьев Румянцевых, образованию, полученному ими в России, их обучению в Лейденском университете, впечатлениям от путешествия, их беседам с Гриммом, однако Гримм в любом случае не был единственным собеседником, способным оказать влияние на формирование мировоззрения и художественного вкуса Румянцевых. Попробуем реконструировать сеть отношений, контактов, установленных ими во время путешествия по Италии.

SOCIABILITÉ

В Италии 1775–1776 годов братья Румянцевы следовали примерно той же логике социальных контактов, что и большинство просвещенных путешественников того времени. Имя их отца – победителя турок – и общество Гримма повсюду обеспечивали им отменный прием. Их пребывание в Неаполе было организовано аббатом Фердинандо Галиани, другом Гримма; в Болонье они познакомилась с графом Джироламо Рануцци и его дворцом (где разместились коллекция анатомических увражей Анны Моранди Манцолини); в Венеции – с патрицием Анджело Квирини, автором проекта конституционной реформы (1761), масоном, эрудитом, меценатом и коллекционером. Но именно в Риме ткань их отношений становится по-настоящему плотной, а культурная среда – насыщенной. Мы можем выделить в ней несколько взаимодействующих центров притяжения

а других в скульптуре с разницей в наших религиозных культах? Древние изображали свои божества в статуях, новые обычно представляют своих на живописных полотнах. Именно священнослужители давали заказы Рафаэлю, Гвидо, Доменикино. Именно необходимость иметь картины вызвала расцвет их искусства. Именно необходимость иметь статуи богов, которым поклонялись древние, похоже, вызвала расцвет их скульптуры. Несомненно лишь то, что их религия обеспечивала скульптора более благоприятными [для его ремесла] сюжетами, чем наша. Когда требовалось изобразить Марса, Аполлона или Мелеагра, он должен был создавать образы прекрасных, сильных и благородных существ; современный же скульптор, которому предстоит изваять в мраморе Св. Бруно, Св. Филиппа Нери или иного основателя какого-либо религиозного ордена, вынужден брать за образец изможденное, смиренное существо, чем-то напоминающее больного. Подобные сюжеты мало пригодны для скульптуры, а если молодые мастера порой и берутся за них, то их искусство от этого не становится совершеннее» // ULB Münster. Nachlass Gallitzin. Kps. 36. № 39.

Римская академия «Аркадия»;
Двор кардинала де Берниса, посла Франции при Святом Престоле;
Салон бальи де Бретёя, посла Мальтийского ордена при Святом Престоле;
Община Тринита-деи-Монти (круг отца Жакье);
Круг антиквара Райфенштайна.

Начнем с «Аркадии», космополитического общества поэтов и любителей искусства, основанного в Риме в 1690 году для противодействия «испорченному» литературному вкусу. Долгое время считалось, что ко второй половине XVIII века эта академия утратила всякое значение и находилась в упадке. Этот подход соответствовал распространенному представлению о самом Риме того времени как периферии «литературной республики» эпохи Просвещения. Однако Жиль Монтегр недавно показал, что «Аркадия» играла первостепенную роль в социализации путешественников, устремившихся в Рим, в их приобщении к культурной жизни Вечного Города¹. Во многих случаях сами путешественники просили принять их в это сообщество. В академию допускались только поэты – как мужчины, так и женщины – и любители поэзии. Все члены носили идиллические (греческие пастушьи) имена и заседали в масках и костюмах аркадских пастухов, на открытом воздухе. Так, *Diario ordinario* n° 136 от 20 апреля 1776 года сообщает о заседании академии, состоявшемся 11 апреля. На нем в члены «Аркадии» под именем Cleonice Delia была принята Каролина Луиза, правящая маркграфиня Баден-Дурлахская; затем Корилла Олимпийская (Corilla Olympica = Maria Maddalena Morelli), знаменитая своими поэтическими импровизациями, попросила дать ей тему для импровизации, а «eruditissimo Monsieur Grimm Ministro Plenipotenziario del Principe di Saxe-Gotha in Parigi» предложил следующий вопрос: «Se il secolo, in cui le Donne sono più virtuose e più onorate, sia anche il Secolo più felice, e più onorevole per gli uomini?»² Последовала блестящая импровизация Кориллы. *Diario ordinario* n° 138 от 27 апреля 1776 года сообщает о заседании «Аркадии», состоявшемся 18 апреля. На нем в члены академии были приняты «i due conti Sergio e Niccolò Romanzoff, Monsieur Grimm Ministro plenipotenziario del Duca di Saxe-Gotha alla corte di Francia, soggetto ben noto per le sue eccellenti opere alla Repubblica letteraria». Румянцевы получили соответственно имена Leandro Ellespontiacо и Armindo Acrisiaco, Гримм – Focèo Epirotide.

Двор посла Франции при Святом Престоле (с 1774 года) – кардинала Франсуа Жоашена де Берниса, друга и корреспондента Вольтера, – также притягивал многих людей, оказавшихся в эту пору в Риме. Посольство, располагавшееся в палаццо Каролис на via del Corso, функционировало не

¹ См.: Montègre G. La Rome des Français au temps des Lumières. Rome: École française de Rome, 2011. P. 129.

² «Является ли век, в котором женщины более всего добродетельны и почитаемы, временем, когда мужчины более всего счастливы и уважаемы?»

только как политическое учреждение, но также как инструмент репрезентации и культурного патронажа. Виржини Ларр и Жиль Монтегр показали, что, в отличие от своих предшественников, Бернис сумел сделать свою резиденцию центром долговременного культурного влияния, причем в то самое время, когда Рим в качестве кульминационного этапа *Grand Tour* стал привлекать к себе множество иностранных путешественников¹. Основным каналом этого влияния стало то покровительство, которое кардинал оказывал академиям и прочим научным и литературным сообществам, ученым, художникам, литераторам как французским, так и иноземным. Братья Румянцевы и Гримм были представлены Бернису Иваном Ивановичем Шуваловым, который еще в Париже снабдил их рекомендательным письмом. В ответном письме Шувалову от 17 января 1776 года Бернис называет обоих графов «прекрасно воспитанными людьми», а Гримма – «человеком весьма образованным и приятным». Вероятно, благодаря именно этим качествам наши путешественники получили доступ и к интимному кругу Берниса: в переписке Гримма неоднократно упоминается аббат Дешез, «правая рука» и личный секретарь кардинала (также член «Аркадии»); Николай Румянцев в письме Амалии Голицыной от 24 марта 1776 года упоминает Джулианну Джакометти, княгиню Санта-Кроче, любовницу кардинала; Бернис в письме Гримму от 1 ноября 1778 года передает ему привет от своей племянницы маркизы де Пюи-Монбрэн и ее маленькой дочери, также обитавших во дворце Каролис.

Салон Жака Лора Лё Тоннелье, балы де Бретёя, посла Мальтийского ордена при Святом Престоле (1758–1777), функционировал примерно таким же образом, как и двор кардинала де Берниса, отличаясь от него лишь более скромными масштабами деятельности и более узкой – художественной – специализацией. Бретёй принимал гостей в Palazzo della Religione di Malta на via dei Condotti, либо на villa Malta на холме Пинчо, позади обители Trinità-dei-Monti. За время своего посольства он приобрел репутацию страстного коллекционера, мецената и человека, охотно делающего крупные заказы на изготовление предметов декоративно-прикладного искусства. Сам Винкельман упомянул о нем в своей «Истории искусства древности», Юбер Робер изобразил его римский салон, парижская королевская Академия живописи и скульптуры избрала его своим *honoraire-associé libre* (1780). Шарлотта Гишар в своей недавней работе подчеркнула его роль в структурировании художественной среды Рима². В Архиве древних актов в Москве сохранились фрагменты переписки Бретёя с Гриммом, начавшейся после отъезда последнего из Рима в компании братьев

¹ См.: *Montègre G.* La Rome des Français au temps des Lumières. P. 201; *Larre V.* Le Cardinal de Bernis à Rome, une figure emblématique de la diplomatie et des arts // De l'usage de l'art en politique / Sous la dir. de M. Favreau, G. Glorieux, J. – P. Luis, P. Prevost-Marcilhacy. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal, 2009. P. 24–35.

² *Guichard Ch.* Les Amateurs d'art à Paris au XVIIIe siècle. Seyssel: Champ Vallon, 2008. P. 29–30.

Румянцевых¹. Переписка Гримма с Екатериной II содержит некоторые дополнительные сведения об их отношениях с Бретёем: они всегда строились вокруг произведений искусства (богатейших настольных украшений, коллекции резных камней), которые балли продавал или собирался продать императрице.

Другим очагом эрудиции, интеллектуальным центром, открытым для современных форм общения, был в это время монастырь *Trinità-dei-Monti*. В 1770-х годах большинству образованных римлян и приезжих было знакомо имя самого знаменитого минима этой обители – отца Франсуа Жакье (1711–1788), выдающегося математика и знатока древних языков. Он преподавал Священное Писание в Коллегиуме *Propaganda Fide*, математику и физику в Сапиенце, дружил с кардиналом де Бернисом, аббатом Дешезом и Клериссо, переписывался с д'Аламбером, Кондорсе, Мопертюи, Вольтером, Иваном Шуваловым. Он прославился комментариями к «Математическим началам натуральной философии» Ньютона (3 vol., Genève, 1739–1742), над которыми работал вместе со своим братом Тома Лё Сёром; в 1744 году Жакье гостил в Сирее, помогая маркизе дю Шатле переводить «Начала» на французский язык. Член лондонского Королевского общества (1741), член-корреспондент парижской Академии наук (1743), иностранный член Берлинской академии (1749), Жакье поддерживал отношения со многими научными и литературными обществами Европы, дворами Франции, Пармы и Пьемонта. Он вел активный образ жизни, отнюдь не чуждался светского общества, был всегда любезен, галантен, давал дамам уроки физики и математики. Жакье охотно принимал участие в деятельности «Аркадии» и состоял в ней под именем *Diofante Amicleo* (по другим сведениям – *Diofante Ecateo*). Посещение отцов Жакье и Лё Сёра (ум. в 1770) было обязательным этапом знакомства с Римом для многих французских и не только французских путешественников. Подготовка критического издания переписки Екатерины II с Гриммом позволила установить факт существования корреспонденции между Жакье и Гриммом, который познакомился с ним, судя по всему, в январе 1776 года по приезде в Рим вместе с Румянцевыми, а затем рассказал о нем императрице.

Наконец, пребывание Румянцевых и Гримма в Риме ознаменовалось знакомством с Иоганном Фридрихом Райфенштайном, знаменитым римским антикварием, человеком, близким к Винкельману и Менгсу, а позднее – к Гёте и Гердеру. Именно через него, начиная с 1770-х годов, Екатерина II размещала большинство своих заказов в Италии. В молодости Райфенштайн и Гримм были связаны с Готшедом: Гримм учился у Готшеда в Лейпцигском университете в 1742–1745 годах и переписывался с ним с 1741 года; Райфенштайн также переписывался с Готшедом с 1743 года

¹ См., напр., письмо Бретёя Гримму от 16 июля 1777 года // РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. № 10 (3). Л. 214–215.

в качестве секретаря «Deutsche Gesellschaft» в Кёнигсберге¹. И Гримм, и Райфенштайн были связаны с Саксен-Готским двором. Во время путешествия юного принца Августа по Италии (1771–1772) Райфенштайн познакомил его с достопримечательностями Рима. Герцог Эрнст II, старший брат Августа, вознаградил Райфенштайна, назначив его 16 декабря 1772 года советником двора (Hofrath) по делам искусства. Это назначение принесло немалую пользу герцогским собраниям в Готе: с 1772 по 1786 год усилиями Райфенштайна они пополнились многочисленными произведениями искусства, книгами и рукописями².

Начало отношений Райфенштайна с Россией относится к 1760-м годам. Один из первых теоретических его текстов – «Gedanken zur Aufnahme der Zeichenkunst, nebst einer Vorübung in den ersten Gründen derselben, für gelehrte Liebhaber», опубликованный в 1755 году в «Sammlung einiger Ausgesuchten Stücke, der Gesellschaft der freyen Künste zu Leipzig», периодическом издании, редактировавшемся Готшедом, в 1762 году был переведен молодым Д.И. Фонвизинным на русский язык под названием «Рассуждение о приращениях рисовального художества, с наставлением в начальных основаниях оного» и опубликован в журнале «Собрание лучших сочинений к распространению знаний и произведению удовольствия». Этот журнал был основан Иоганном Готфридом Райхелем, профессором Московского университета (с 1757), куда он был приглашен благодаря посредничеству Герхарда Фридриха Мюллера (в России – Миллера) и рекомендации Готшеда. В 1760-х годах Райфенштайн начал опекать пенсионеров императорской Академии художеств, оказавшихся в Италии. Он познакомился и с Иваном Шуваловым, основателем и первым директором этой Академии. Вскоре после прихода к власти Екатерины II Шувалов покинул Россию, оказался в Риме и с конца 1760-х годов активно покупал статуи и слепки древних и новых мастеров, а также архитектурные модели для Академии, императрицы и вельмож ее двора. По рекомендации Шувалова Райфенштайн в январе 1771 года стал почетным иностранным членом Академии художеств с ежегодным содержанием в 200 скуди. Это назначение подчеркивало ту роль, которую Райфенштайн играл в установлении и развитии контактов между Россией и космополитической средой Рима и Италии. Письма Райфенштайна Гримму дают нам представление о подлинном размахе этой деятельности. Самое раннее из этих писем, сохранившееся лишь в отрывке, сообщает о тесном общении Райфенштайна с Румянцевыми и Гриммом во время их пребывания в Риме в январе 1776 года. Цитатой из этого письма я хотел бы закончить свое выступление: «Je vous prie de présenter mes très humbles obéïssances

¹ Frank Ch. «Puis il y en aura, mieux ce sera». Caterina II di Russia e Anton Raphael Mengs. Sul ruolo degli agenti «cesarei» Grimm e Reiffenstein // Mengs. La scorpeta del Neoclassico / A cura di S. Roettgen, catalogue de l'exposition, Padova, Palazzo Zabarella, 3 marzo – 11 giugno 2001; Dresda, Sttaltliche Kunstsammlungen, 23 giugno – 3 settembre 2001. Venezia, 2001. P. 88.

² Ibid. P. 88–93.

à Messieurs les Comtes de Romanzof en les remerciant du souvenir dont ils continuent de m'honorer. Les belles qualités de leur ame et de leur esprit, leur politesse, l'estime et l'amitié qui regnaient entre vous et ces aimables seigneurs ont donné un des plus beaux et des plus rares spectacles à tous ceux qui ont eu l'honneur d'être admis dans votre société et ont laissé bien des regrets après votre départ surtout à ceux qui comme moi ont été pendant bien du temps les convives journaliers à une si belle fête dont la commémoration est devenue un de nos objets favoris dans nos promenades solitaires d'Albano où tant de sujets nous rappellent le plaisir et satisfaction que nous y avons goûtés dans votre aimable compagnie»¹.

¹ «Прошу вас передать мой нижайший поклон графам Румянцевым и поблагодарить их за добрую память, которой они продолжают меня одаривать. Прекрасные свойства их души и ума, их учтивость, почтительные и дружеские чувства, связывавшие вас с этими любезными господами, являли собой одно из самых редких и чудесных зрелищ для всех, кто удостоился чести быть допущенным в ваш круг. Ваш отъезд особенно глубоко опечалил тех, кто подобно мне долгое время почти ежедневно разделял счастье общения с вами. Воспоминания об этом стали излюбленной темой в наших уединенных прогулках по Альбано, где все напоминает нам о радости и удовольствии, которое мы получали в вашей любезной компании» // ОР РГБ. Ф. 255. Картон 7. № 27. Л. 27. Копия.